

УДК 94(093)
ББК 63.3(0)
К71

Коскинен, Милла.
К71 Книга о прекрасных дамах и благородных рыцарях / Милла Коскинен. — Москва : Алгоритм, 2016. — 272 с. — (Как жили женщины разных эпох).

ISBN 978-5-906817-81-5

Книга «О прекрасных дамах и благородных рыцарях» расскажет, насколько английская леди была свободна в своем выборе, о том, из чего складывались ее повседневная жизнь и обязанности. Вы погрузитесь в атмосферу средневековых английских городов и замков, узнаете многого о женщинах, чьи имена хорошо известны по историческим романам и их экранизациям. Вас ждет множество историй, порой драматических, порой трагических, и часто — прекрасных, полных неожиданных поворотов судьбы и невероятных приключений. Вы убедитесь, что настоящие истории могут быть намного драматичнее фантазий Шекспира и Вальтера Скотта, которые жили и писали уже в совсем другие эпохи и чье видение женщины и ее роли в обществе было ограничено современной им моралью.

УДК 94(093)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-906817-81-5

© М. Коскинен
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Коскинен Милла

КНИГА О ПРЕКРАСНЫХ ДАМАХ И БЛАГОРОДНЫХ РЫЦАРЯХ

Редактор *Е. Мигунова*
Художественный редактор *Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 22.12.2015.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906817-81-5

ВСТУПЛЕНИЕ

Прежде чем приступить к рассказам о судьбах женщин из аристократических и дворянских семей средневековой Англии, есть смысл представить себе масштабы тех пространств, на которых эта жизнь проходила. Восприятие человека устроено так, что мы подсознательно переносим привычные для нас представления на совсем другие эпохи и уклады жизни. В какой-то степени это правильно. Несмотря на то, что исторические декорации вокруг нас постоянно меняются, человеческая натура остается более или менее неизменной. Она адаптируется под требования окружающего социума, конечно, но базовые моменты сохраняются. С другой стороны, мы живем в перенаселенном, глобализованном мире, который требует от нас определенного восприятия и менталитета, подогнанного к окружающей реальности. Реальность английского Средневековья была совсем другой, и это следует учитывать, теоретизируя по поводу «женского вопроса» в Средние века.

Для начала, Средневековье — это невероятно долгий период длиной во множество столетий: раннее Средневековье (500—1000 гг.), среднее (1000—1300 гг.) и позднее (1300—1500 гг.). Во-вторых, большое значение имеет исторический контекст условий жизни и событий изучаемого периода. В-третьих, совершенно невозможно делать какие-то выводы о европейской средневековой женщине, не принимая во внимание «женский вопрос» и способы его решения в сопредельных Европе странах и не учитывая ог-

ромной разницы в решении этого пресловутого вопроса в разных областях самой Европы.

Человек, впадающий в ужас от историй о поясах верности, права сеньора на первую ночь и прочих популярных страшилок, должен четко себе представлять, кем, когда, и, главное, с какой целью они сочинялись. Это же касается и сахарных историй о рыцарях и девах. Необходимо понимать и средневековое значение так называемого женоненавистничества, и его аналоги в современном нам обществе. Известное противостояние полов было, есть и будет, но составлять представление о реальной средневековой жизни на основании, скажем, «Пятнадцати радостей брака» так же нелепо, как верить всему, что написано в «Космополитене».

Обобщение же понятия «Средневековье», растянутое на всю Европу от Швеции до Испании, вообще не имеет смысла. В качестве примера можно взять такой важный для женщины момент, как ее замужество. К поздним Средним векам, если не раньше, Европа четко разделилась в плане замужеств на два региона: на севере и западе женщины, не принадлежащие к аристократии, выходили замуж позже и за мужчин более или менее своего возраста. К тому же, некоторое количество женщин не выходили замуж, не становясь при этом монахинями. На юге и востоке девушки выходили замуж рано, как правило, за мужчин вдвое старше, а незамужние уходили в монастыри.

Какого-то единогласия по женскому вопросу среди историков не существует, поэтому любой интересующийся этой проблемой найдет массу аргументов в пользу именно своей точки зрения. Историк Клапиш-Зубер возмущается положением женщин в средневековой Италии, где средне-статистическая девушка к 18 годам была уже матерью двоих детей и замужем за человеком вдвое старше себя. Клапиш-Зубер считает, что эти бедняжки проводили лучшие годы в подчинении старым мужьям, и, овдовев, оказывались в невыносимых обстоятельствах. Историки же Стэнли Чоз-

нацки, Елена Розенберг, Томас Кун и другие возражают, утверждая, что при таком подходе к делу совершенно не учитывается инициативность и способность к социальным маневрам женщин, для которых эти условия были естественными во многих поколениях. Не лучше обстоит дело и в северном регионе: здесь мечи скрестили Марианна Ковалевская и Джереми Голдберг. К счастью, явным трендом последних лет являются достаточно нейтральные по тону общие обозрения типа книги Генриетты Лейзер «Средневековая женщина. Социальная история женщин в Англии 450—1500». Если в этих обозрениях и есть недостаток, так это сложная для неспециалиста необходимость знания базового материала, на котором они составлены. А этот базовый материал — все те же Пауэр, Голдберг, Ковалевская, Клапиш-Зубер, Беннет плюс километры исторических исследований, над анализом которых они работали.

В погоне за поисками доказательств своей правоты могут случиться и откровенные ляпы. Если составлять представление о жизни средневековой англичанки, изучая только документы по сбору налогов, листы гильдий и реестры недвижимости, то можно легко создать в своем воображении некий архетип эмансипированной средневековой женщины. И не обратить внимания на то, что документы говорят конкретно о «вдовах», а не о «женщинах» в целом. А вдовы были совершенно отдельной группой населения в плане прав и обязанностей перед короной. Можно ужасаться аристократическим детским бракам и оставить без объяснений, что они из себя представляли на самом деле. Можно даже воспользоваться разногласиями относительно даты рождения, чтобы создать пример трогательной в своей трагичности девочки-роженницы, как это случилось во многих биографиях родоначальницы династии Тюдоров, леди Маргарет Бьюфорт. Самые же любопытные результаты можно получить, резво перескакивая через столетия и надергивая подходящие к случаю факты, не принимая во внимание изменения, которые произошли в обществе. Невозможно

сравнивать положение женщины в средневековой Англии пост-чумных времен и в средневековой Англии конца пятнадцатого века, когда экономические и социальные реалии абсолютно изменились.

Были, правда, общие моменты в жизни средневековых английских женщин независимо от того, к какому социальному слою они принадлежали и какой век стоял на дворе. Аристократки не заседали в парламенте (те, кто имели на это право, посылали от себя представителей), горожанки не становились мэрами, а крестьянки — бейлифами. И феодальная, и королевская, и городская, и помещичья правовые системы ограничивали имущественные права замужних женщин, давая куда большую свободу женщинам одиноким и вдовам и большую свободу мужчинам, чем женщинам. Социальные обычаи определяли всем женам, от крестьянки до аристократки, роль помощницы мужа и безупречное поведение. Экономически жизнь была построена таким образом, что от жены требовалось умение управлять хозяйством. Особенности феодального быта исключали для женщины возможность только одной «опции» — быть просто «драгоценным камнем в короне» своего мужа.

Глава первая

ЖИЗНЬ ЗА СТЕНАМИ «ХРУСТАЛЬНОЙ БАШНИ»

О СРЕДНЕВЕКОВОМ АНГЛИЙСКОМ ГОРОДЕ

Совсем незадолго до завоевания Англии норманнами третьим по величине городом там был Норич, целых 1300 дворов. Самым большим городом на северо-западе был Честер, где этих дворов было 500. Инвентаризационная опись завоеванного хозяйства, которую хозяйственные норманны составили в 1085—1086 годах под драматическим именем «Судная книга» (Domesday Book), называет большими городами Экзетер, Уорик и Кентербери, в каждом из которых было около 250 дворов.

Через двести лет Кембридж разросся до 550 дворов, а Ливерпуль и Манчестер только-только дотянули до размеров в 150 дворов. В начале пятнадцатого столетия на всю Англию было всего пять городов, чьего населения хватило больше, чем на тысячу дворов: Лондон, Норич, Йорк, Бристоль и Ковентри.

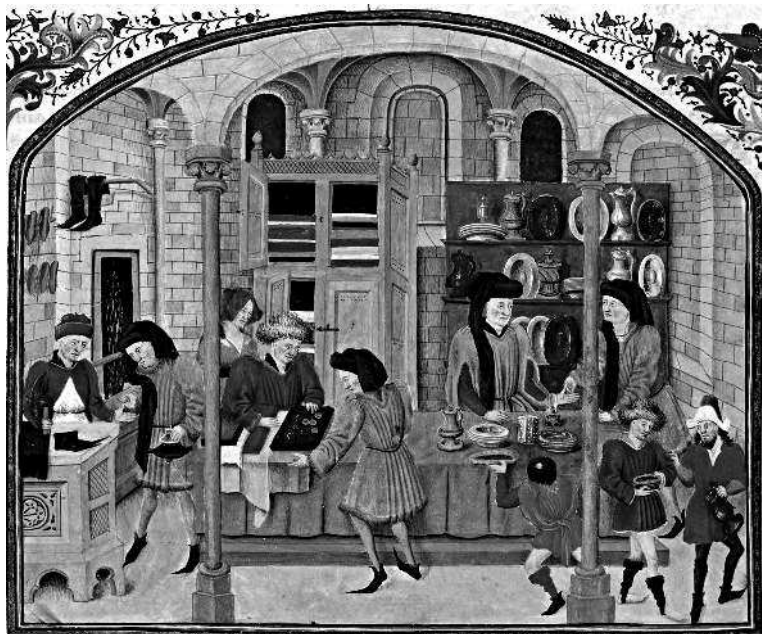
Средневековый Лондон величиной был едва в половину средневекового Парижа и едва достигал по размеру трети Милана и Венеции, но его, тем не менее, горожане гордо именовали «цветком среди других городов». Цветок или нет, но все познается в сравнении. Для визитера из затерявшейся в лесах деревушки и такой Лондон был удручающе огромен. Да что там, даже большинство лондонцев вполне обходились обитанием в родном районе города, не заглядывая за знакомые с младенчества пределы.

Главной отличительной чертой средневековых городов и городишек от окружающих деревень было то, что в них были сосредоточены органы управления, учебные заведения, религиозные центры — и рынки, значение которых для сельскохозяйственных районов невозможно переоценить. Города ежедневно открывали ворота толпам крестьян, пилигримов, купцов, путешественников. В Лондон и Вестминстер стекались придворные с эскортами, в Оксфорд — студенты, в каждый город и деревню со своей рыночной площадью — торговцы. О том, в каких масштабах все это было, говорят записи Йорка, где в конце четырнадцатого века, при населении в 8 000 человек (оно уменьшилось до таких размеров, почти вдвое, во время Черной Смерти), было 1035 кроватей для приезжих и стояла на 1711 лошадей.

Следующим моментом была большая плотность городского населения. Это не могло не приводить постепенно города к тому уровню антисанитарии, который хорошо известен по временам Индустриальной революции. Наверняка соответствующим был и уровень преступности. Точных данных, которые складываются из изучения документов и частных писем людей, о том времени практически нет, поэтому все, что можно сказать о Средневековье, должно мысленно нести предположительную форму: «возможно». Хотя с тех времен сохранилось много официальных документов, о том, как в действительности жили люди, мы можем судить только из немногих сохранившихся переписок семейств Пастонов, Сели и Стоноров. Этого явно недостаточно для того, чтобы составить абсолютно точную картину о том, каким же было настоящее английское Средневековье.

Поскольку молодежь начинала свою рабочую карьеру в городах, откладывая обзаведение семейством на несколько лет, можно предположить, что демографическое развитие в городах отмечалось превалированием смертности над рождаемостью, в связи с чем приток в города нового населения в рабочем возрасте был первостепенной

Средневековый рынок.
Миниатюра XV века

необходимостью. Необходимо также помнить, что периодические эпидемии бубонной чумы вспыхивали то здесь, то там, и, как писал Ричард Сели в 1479 году, многие лондонские горожане эмигрировали из города прочь. Ограниченность пространства в больших городах приводила к тому, что семьи занятых в административной работе аристократов и джентри жили в некотором отдалении от глав семейств, что накладывало свой отпечаток на отношения между супругами и требования к хозяйке.

Среди самих городов существовали различия, как минимум, экономические и, соответственно, управленческие, которые не могли не оказывать влияния на социальные условия жизни горожан. К 1400 году большая часть крупных городов получила, в известной степени, права самоуправления, что подразумевало наличие там прослойки буржуазии, или «свободных горожан», которые выбирали своих представителей в органы управления. Помимо этого, были города, которые управлялись непосредственно королем. Другие — скорее лордом, нежели королем. Салсбери и Беверли управлялись епископами. Сент-Олбанс и Бери-Сент-Эдмундс управлялись аббатами. В Линкольне, Нориче и Йорке вообще часть города управлялась органами самоуправления, а часть — приорами.

Разумеется, при каждой форме самоуправления была собственная юрисдикция. Поэтому известны случаи, когда горожане просто переезжали в другую часть города со всем хозяйством, если ситуация их к тому вынуждала. Например, в Йорке один олдермен в 1470-х переехал на территорию юрисдикции доминиканского приората, чтобы избежать притеснений конкурента, давящего на него условиями городской юрисдикции. В другом случае подмастерья одной из гильдий того же Йорка собирались на свои вечеринки в части города, находящейся под юрисдикцией приората, где их мастера не имели над ними никакой власти. Удобно, хотя выглядит, на первый взгляд, обескураживающе бестолковым.

Историк Сильвия Трапп рассчитала, что многие горожане XV века были иммигрантами в первом или втором поколении: они либо переезжали в город из окрестных деревень, или эмигрировали из других стран. Например, сравнивая списки торговцев и олдерменов 1377—1437 годов, она пришла к выводу, что их число не могло поддерживаться на существующем уровне только за счет естественного замещения. В Ромни сохранились более подробные списки всех свободных горожан, из которых видно, что около половины из них родились в городе и в радиусе пяти миль от города, одна четверть — на расстоянии пятидесяти миль, и остальные были выходцами из различных мест восточного Кента. Исследования по фамилиям дают понять, что половина всех мигрантов в Йорк и Норич приехали из мест в радиусе двадцати миль от городов, а в Лондон — в радиусе сорока миль.

Довольно обычным для английских городов XV века был приток иностранцев, особенно для Лондона. Итальянские и ганзейские купцы, ремесленники, прислуга... В 1441 году в Лондоне, Вестминстере и прилегающих к ним районов жили 2200 иностранцев (не включены замужние женщины), по большей части голландцы и немцы. В Винчестере иностранцы составляли в 1440 году 3% всего населения города. Большая часть приезжих быстро ассимилировались с местным населением через браки, да и приезжали, по большей части, те, кто уже имел родственников или хороших знакомых в Англии.

Прирост городского населения в начале пятнадцатого века и резкое его снижение к середине того же века служат до сих пор предметом самых горячих дебатов среди историков. Например, население Колчестера составляло в пост-чумном 1350 всего три тысячи человек, в 1414 — восемь тысяч человек, и к концу века — на треть меньше. В Ковентри в 1430-х были зарегистрированы около десяти тысяч человек, но в конце века — только пять тысяч семьсот. Джереми Голдберг объясняет это тем, что спрос на ра-

бочую силу в городах в начале века привлек туда многих женщин, а последующая экономическая депрессия заставила их вернуться, так сказать, в лоно семей. В связи с чем, кстати, снизился возраст вступления в брак среди женщин низших классов.

Основной ячейкой средневекового города XV века была семейная единица, то есть люди, живущие в одном хозяйстве (том самом условно-расчетном «дворе»), в котором число людей варьировалось от одиночек и семей до своего рода коммун, состоящих из членов семьи, подмастерьев, квартирантов и прислуги, живущей в доме. В Ковентри величина такой семейной единицы на конец пятнадцатого века была 7,4 среди торговцев, 2,6 среди простых горожан и 1,8 среди бедняков. Глава такой ячейки, обычно мужчина (или вдова, или одинокая женщина), отвечали перед соседями за поведение людей, живших под их крышей. Патриархатом это не было. И в пятнадцатом веке хозяйство не всегда наследовал старший сын, очень часто оно делилось поровну между братьями и сестрами. Все, собственно, зависело от воли завещающего, в рамках закона, разумеется (вдова и дети все равно получали свою долю, даже если хозяин делал завещание не в их пользу).

Рост городов сильно ограничивался городскими стенами. Был сделан архитектурный анализ городского строительства пятнадцатого века: жилые дома строились под прямым углом к улице, чтобы экономить площадь, а лавки и мастерские — вдоль. Если в четырнадцатом веке большинство строений имели два этажа, то в пятнадцатом — уже три. На практике это означает, что население начало жить более скученно. Не везде, конечно. Колчестер и Дарем мало отличались от окружавших их деревень, дома там были маленькие, крытые соломой и одноэтажные.

Всего в Англии пятнадцатого века было около 600 городков, жители которых назвались горожанами, в отличие от обитателей крупных городов, именуемых гражданами. Собственно классовое разделение происходило по призна-

ку достатка, то есть, с точки зрения города, по размеру на- логов, выплачиваемых жителями в городскую казну. Свою роль играли также происхождение и респектабельность. В некоторых городах у владельцев пабов не было ни малей- шего шанса занять выборную должность, их профессия не считалась достаточно респектабельной для этого.

Население средневекового Лондона на переломе XIV— XV веков колебалось от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек, так что плотность населения нетрудно себе вооб- разить. Дома в Лондоне четырнадцатого века делились на три категории. Самые богатые строились вдоль улицы (за- нимая 30–40 футов), имели множество магазинов и помеще- ний под аренду. В их внутренних дворах располагался еще один большой торговый холл и несколько помещений под аренду.

Более скромные дома строились в форме буквы L, с холлом, располагающимся под прямым углом к улице. В остальном они были подобны своим богатым соседям. Самые маленькие состояли из одного торгового помещения, с ком- натой позади него и с кухней во внутреннем дворике, если такой имелся.

О застройке Лондона есть много документов. В 1384 го- ду, например, был дан подряд на застройку района возле Темзы с условием, что подрядчик построит несколько до- мов в три этажа, высотой в 7 футов, и размерами отдель- ных помещений 12 на 10 футов. За фасадной стороной ули- цы должен был быть построен холл размерами 40 x 23 фута, отдельный кабинет, кухня и кладовая. Эти дома должны были строиться из дуба и иметь подвалы глубиной в 12 фу- тов. Пространство между деревянными панелями заполня- лось раствором с соломой и ивняком. Надо сказать, что в маленьких английских городках еще сохранились в некото- ром количестве дома, построенные по этому принципу — они практически вечные. Фасад мог быть выложен, для пу- щей представительности, камнем. К пятнадцатому веку на- чалось строительство из кирпича.

Неосторожное обращение с огнем, нарушения общественного порядка, замусоривание улиц и вообще характер горожан вынудили мэра Лондона еще в 1187 году издать указ, что стены между соседними жилыми помещениями должны иметь три фута толщины и достигать до конька крыши. Ниши в этих стенах, используемые как своего рода продуктовые шкафы, не могли быть глубже, чем в один фут. Крыши должны были быть шиферными, каменными или кирпичными. Устройство отхожих мест, расположение окон так, чтобы вид из них не открывался на частную территорию соседа, стоки для грязной воды тоже регулировались законом. Лестницы на разные уровни строились с внешней стороны домов. Город регулировал длину, на которую можно было выдвигать вывески в сторону улицы (семь футов); площадь, на которой можно было выкладывать товар перед лавками (два с половиной фута); высоту, на которой можно было делать «дополнительный» этаж, который тоже выдавался в сторону улицы, потому как ввысь строить запрещалось (девять футов достаточно, чтобы под выступающей частью мог проехать всадник).

Сохранилось сравнительное описание одного дома, находящегося около речной таможни, во времена короля Ричарда Второго (четырнадцатый век) и на век позже. Похоже на то, что это был как раз один из тех самых домов, о подряде на которые упомянуто выше.

В четырнадцатом веке дом имел три этажа — двенадцать, десять и семь футов соответственно. На всю площадь дома, сорок на двадцать четыре фута, под ним находился подвал высотой в семь футов. Из холла через заднюю дверь был выход в крытый внутренний двор или общую комнату, как угодно. Там же находились кухня и кладовая. В пятнадцатом веке в дом можно было попасть уже только через ворота, сразу направо от которых располагался целый кухонный блок: малая кухня и угольный подвал, кладовая для вин и эля, кладовая с вентиляцией для хранения солины, рыбы и овощей, чулан для хранения хлеба и выпеч-

ки и большая кухня с несколькими кладовыми. Внутренний двор был перестроен так, что в ту сторону добавились две спальни, часовня, кабинет и уборная. Общая комната и место для променада были перенесены на западную стену, чтобы поймать туда как можно больше послеобеденного солнца. И был достроен чердак, где были кладовые и комнаты для прислуги. Такие вот метаморфозы.

О СРЕДНЕВЕКОВЫХ АНГЛИЙСКИХ ЗАМКАХ

Надо сказать, что настоящих средневековых замков в Англии сохранилось немного, хотя в свое время настроили их предостаточно. По регистрационной описи, Domesday Book, к 1086 году были построены 49 замков, и еще 35 были построены до 1100 года. Большинство из них было уничтожено по приказу Оливера Кромвеля в ходе гражданской войны 1640-х годов. Никто с уверенностью не может сказать, был этот человек просто безумен, или он был безумным фанатиком, но в результате наши знания о том, как были действительно устроены и функционировали средневековые замки, не являются полными.

Тем не менее, кое-что сохранилось, хотя и в перестроенном виде. За историей того же Уорик Кастл стоят жизни поколений рыцарей — и жизни тех, кто связал с этими рыцарями свои судьбы. В стенах этого замка — 950 лет истории, загадок, драм, трагедий.

Правдивая история Уорик Кастл

Первым его владельцем был сам Вильгельм Завоеватель, который и начал строительство укреплений. Потом замок перешел к его сыну Вильгельму Руфусу, который не построил ничего, но отдал замок Генри де Бьюмонту, который стал первым графом Уорика. Потом замок перешел к его сыну Роджеру, который не стал возводить стены и башни, а построил госпиталь для прокаженных — тогда подоб-